

ПРОГРЕСС ПО ОБЕ СТОРОНЫ ЗЕМЛИ

С Вадимом Васильевым беседуют Алексей Козырев и Жанна Алфимова

На философском факультете МГУ произошло не совсем обычное мероприятие. Два вечера подряд студенты и преподаватели, не безразличные к судьбам философии, собирались возле больших экранов в не до конца еще обжитой, но технически оснащенной и «продвинутой» аудитории нового учебного корпуса. Там происходил телемост «Философский факультет МГУ — кафедра философии SUNY (США): О прогрессе в философии за последние 50 лет». Обычно о таких событиях мы узнаем с экранов телевизора. Здесь же сами студенты были активными участниками диалога с философами, насе-

ляющими обратную сторону Земли. Об итогах и о теме телемоста мы поговорили с заведующим кафедрой истории зарубежной философии МГУ профессором Вадимом Васильевым.

А.К. Вадим, почему выбрали такую тему круглого стола?

В.В. Мы с Робертом Хауэллом — это довольно известный современный кантовед, автор самой большой и толстой книги по дедукции кантовских категорий — решили вновь поставить кантовский вопрос. Кант отвечал на такой вопрос, заданный в конце XVIII века в Прусской

академии наук, о действительных успехах, о прогрессе в метафизике за последние годы. И мы такой вопрос возобновили.

А.К. Для XVIII века, который был веком Просвещения, прогресс воспринимается как нечто неоспоримое, должное: плохо, если нет прогресса. А вот век XX — я не знаю, можно ли уже говорить о специфике XXI, который только начался, — по-моему, не очень любит это слово?

В.В. Я согласен. Но если говорить о первой половине — тогда всё рушилось и ломалось. Вторая половина возвращается к просвещенческому видению мира, по крайней мере, я целиком им пропитан и вижу вокруг себя много людей — и прежде всего философов, — которые сделаны из материи XVIII столетия.

А.К. А что вообще может представлять собой прогресс в философии? Это некое приращение знания, накопление имён, это разработка новых концепций, или это, следуя гегелевской логике историзма, некое приращение истины как таковой?

В.В. Гегелевское понимание хорошо тем, что оно создает иллюзию полного объяснения и успокоения, при чтении гегелевских текстов возникает состояние, подобное нирване. Но если мы в них вдумаемся, то увидим, что тут нужны некоторые уточнения. Я считаю, что прогресс состоит, во-первых, в отбраковке заведомо ложных теорий — вроде теории предустановленной гармонии, окказионализма — если говорить о метафизике; в прояснении сути «вечных проблем»: проблемы остаются теми же, но мы понимаем их всё лучше и лучше, — а также в изобретении новых аргументов и мысленных экспериментов. Последние 50 лет мы видим просто дождь новых идей в этом плане. Но и самое, может быть, важное событие — это революция в философии, связанная с возникновением новых перспектив, совершенно нового подхода к уже известным вопросам. И если мы посмотрим на современную философию, то увидим, что здесь есть много удач за последние 50 лет. Хотя я и далеко не полный оптимист в этом плане и вижу много тревожных моментов.

А.К. В плане прогресса материально-технической цивилизации всё понятно: изобретается сотовая связь, и телефоны распространяются по всей планете, каждый имеет возможность включиться в коммуникацию без особых проблем. А вот философия приносит кому-либо пользу, кроме философов? Или речь идет о прогрессе в специальной отрасли знания, о которой знают и помнят только те, кто имеет в кармане диплом философского факультета?

В.В. Это вопрос, как ни странно, не философский, а скорее социологический, и философов это не должно беспокоить. В XVIII веке был прекрасный философ Иоганн Теттенс, и он сказал: «Истина — это как золото: вы найдите её, а употребление потом уже придумаем». Т.е. меня не заботит прикладной аспект; меня просто интересуют сами проблемы, которые я пытаюсь решить. И я думаю, что большинство людей, которые находятся в нашей профессии, думают так же. Истина, в конечном счете, полезна, так или иначе.

А.К. В XIX веке русская философия началась как философия систем, можно сказать, с магистерской диссертации Владимира Соловьева «Кризис западной философии (против позитивистов)». Кризис философии, в видении Соловьева, заключался в отсутствии метафи-

зики, т.е. в потере философией её сущностного ядра. Можно ли говорить, что сейчас философия находится в кризисе, и если да, то хорошо это или плохо?

В.В. Я согласен с некоторыми оценками — т.е. это не моё единичное мнение — что вторую половину XX века можно сравнить с самыми продуктивными эпохами в истории мысли: с эпохой Платона и Аристотеля и с XVIII веком. Мы живем, на мой взгляд, не в период кризиса, а в период невиданного расцвета философии, и Соловьёв, думаю, был бы очень рад... Недавно я беседовал с замечательным оксфордским философом Ричардом Суинберном и спросил его: «Занимаются у вас лингвистической философией до сих пор?» — и он ответил: «Нет, теперь у нас все метафизики». Ещё один любопытный факт: недавно был проведен опрос «Самые великие философы XX века». На первом месте оказался Витгенштейн, естественно, на втором Рассел, а на третьем — Дэвид Льюис, который считается современным профессионалами метафизиком par excellence, так сказать. Так что даже по критериям Соловьева сейчас время расцвета — все метафизики, по крайней мере, в англоязычной традиции.

А.К. О чем говорит нам метафизика? Какая её сфера сегодня наиболее актуальна?

В.В. Классические аристотелевские темы: проблема сущего, проблема категорий, возможности и действительности...

А.К. Аристотель сегодня популярен в Америке, насколько я знаю...

В.В. Пожалуй, да. Многие философские курсы, в том числе вводные, — там действительно зачастую основаны именно на философии Аристотеля.

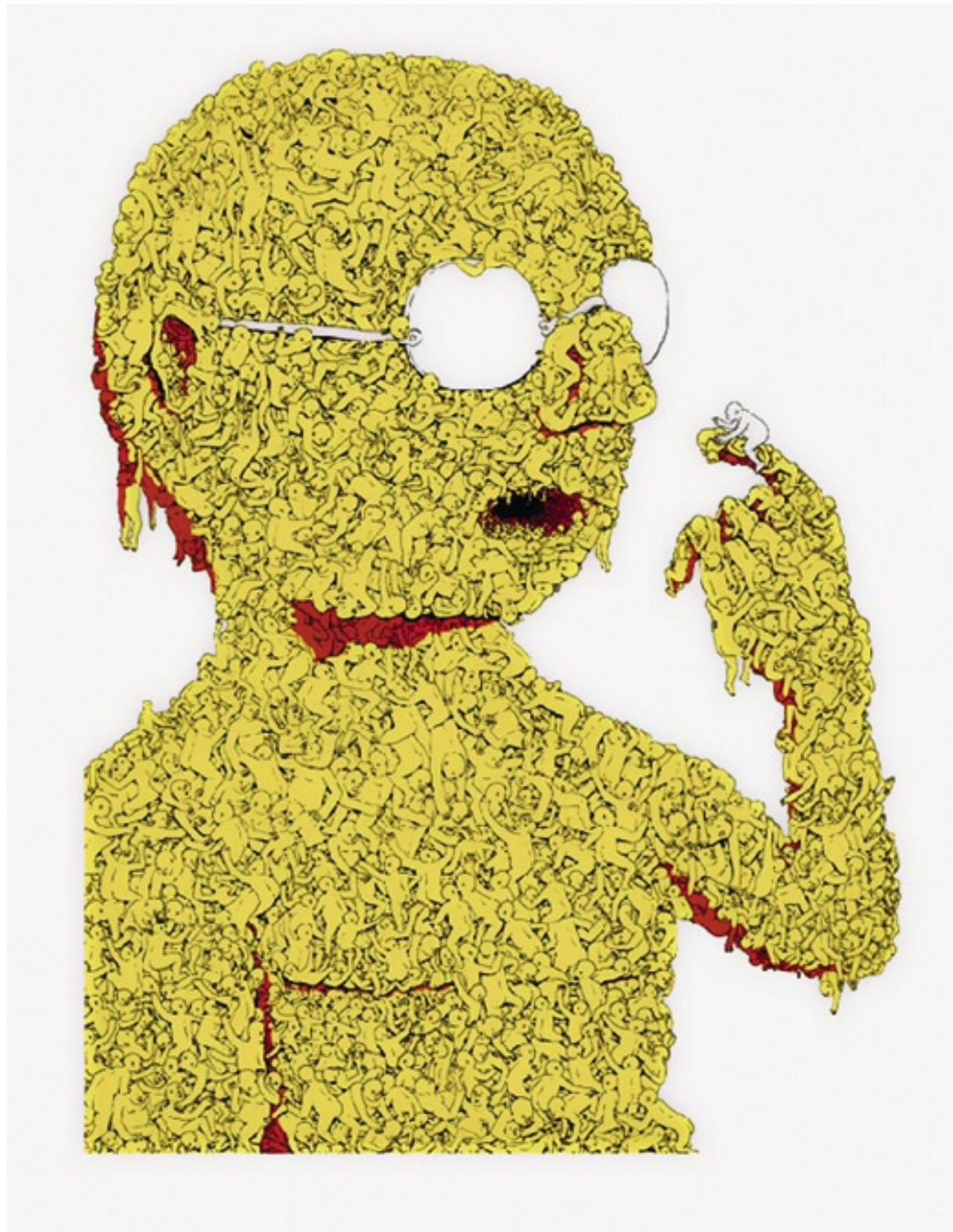
А.К. Но ты не находишь это парадоксальным: страна, которая являлась родиной прагматизма — собственно, прагматизм считается единственной национальной американской философией — становится местом, где находит приют метафизическая традиция?

В.В. Американцы в этом на нас похожи: они впитывают внешние влияния, очень и очень активно, поэтому и аналитическая философия была депортирована в Америку после того, как нацисты захватили Австрию. Аналитическая философия просто продолжает традиции классической философии. Это классика в современном облике. Они обсуждают те же вечные проблемы, пытаются решать их доказательно, строго. Был, конечно, в аналитической философии деструктивный период, когда «терминаторы» вроде Шлика или Карнапа пытались сокрушить метафизику, но потом аналитическая философия вернулась к метафизике. А поскольку так уж получилось, что её центром стала Америка, то она и стала такой метафизической страной. В этом, я думаю, нет противоречия.

А.К. Движение в философии — от прагматизма к аналитике, от аналитики к метафизике — это внутренние правила игры на философском поле, или они в каком-то смысле предопределяются культурой, политикой, социумом? Не случайно же греческая метафизика родилась в полисной демократии?..

В.В. Я — сторонник теории имманентного развития философии и поэтому всегда пытаюсь отсечь экстрафилософские факторы. Но полностью отрицать влияние культурных факторов невозможно. И конечно, влияние это было; только в свободной стране может возникнуть

Blu – Demos 2008

философия и расцвести. Опять же, пример немецкой философии XVIII века показателен: в начале века на немецком языке вообще никто не философствовал, а через сто лет уже говорили, что только на этом языке и можно философствовать, а по-французски нельзя. Объясняется это, по-моему, вполне естественно, а именно фигурой немецкого короля — Фридриха Великого. Он был вольнодумцем и поощрял свободу мнений, суждений; привозил к себе французов, которые пропагандировали британскую философию, и пиетистов не подавлял, и Вольфа вернул — в общем, этим создавались необычайно благоприятные условия для свободы мысли, и возникла великая немецкая философия.

А.К. То есть для философии важно наличие просвещенного тирана? Козимо Медичи во Флоренции эпохи Возрождения... Ведь и у нас страна была в какие-то периоды управляема философами на троне. Екатерина. Иосиф Виссарионович. Ленин, хоть и не считал себя философом, писал тексты, приближенные к философским. Но Сталин-то был уверен, что он философ и покровитель всех философов. Это, как ни странно, не очень способствовало развитию свободной философии, которая должна была пробиваться, как сорняк из-под корней. А в Америке — как с этим? Есть ли там политики, которые могут себя провозгласить философами или хотя бы их покровителями?..

В.В. Ну, Джимми Картер, как известно, держал на своем прикроватном столике книгу Б. Рассела «История западной философии» — это была его любимая книга. Так что, если провозгласить философами себя они не могут, то философские книжки, по крайней мере, читают. Всё-таки просвещенный тиран и свобода суждений — это не одно и то же. У нас не было, разумеется, свободы суждений в сталинские времена. А в Америке, платоновской Греции, Германии XVIII века она была. Сейчас у нас, мне кажется, очень благоприятное время для философии. Интеллектуальная свобода, по-моему, абсолютная в наши дни.

А.К. У нас в России была всегда двойственность традиции: университетская философия, которая всегда считала себя профессиональной, сюда же можно отнести философию духовных академий, и, скажем так, вольная, неакадемическая философия. Как обстоят с этим дела в США? Там философия локализована в университетах, на кафедрах, или тоже существует традиция вольной философии?

В.В. Нет, эта традиция там практически замерла, если она вообще была... Хотя нет, была: Чарльз Пирс, в конце концов, может служить её иллюстрацией, хотя тоже с оговорками. Философия существует в Штатах в университетской форме, там огромное количество кафедр философии — более 2000, и там можно найти всё, что хочешь. На одних кафедрах увлекаются континентальной философией, на других аналитической, на третьих пытаются возродить прагматизм. Огромное количество разных подходов и направлений. Поэтому нет никакого диктата, и это создает очень плодотворную среду. Есть и много других деталей, таких ноу-хау, которые объясняют, почему в Америке неплохо обстоят дела с философией. К примеру, выпускники американских факультетов, защитившие диссертацию аспиранты, не имеют

права устраиваться на работу в тот университет, где они защищались. Для нас это звучит абсолютно «марсиански». Вот мы вскормили человека, специалиста, и мы не можем взять его на работу? Но это заставляет демонстрировать товар лицом. Он будет устраиваться на работу в другой университет, и таким образом происходит циркуляция кадров. Они стремятся выпускать хороших докторов, чтобы их престиж не упал. Это одна сторона. И другая: люди, уходящие в другие университеты, сохраняют связь со своими университетами, и так возникает некая сеть, органическое единство, живое сообщество.

А.К. Но это, наверное, связано и с тем, что в Америке по-другому устроено само пространство страны? У нас считается, что жить можно только в Москве и Петербурге, и столичному выпускнику уехать в провинцию — это колоссальное личное потрясение. Наверное, иногда такое все же случается, если, например, предоставляют жильё, но всё равно — это будет исключительный факт. Америка в этом плане, как мне кажется, совсем другая.

В.В. Согласен. Хотя тоже есть свои центры, разумеется: и Гарвард, и Нью-Йоркский университет...

А.К. Как можно определить разницу в стиле, в подходе к философствованию в выступлениях на телемосте с той и с другой стороны?

В.В. Разница была колоссальной. Все наши доклады были обобщенными, т.е. все мы начинали с рассуждений о том, что такое прогресс, некоторые говорили о том, что такое философия, прежде чем перейти к вопросу о том, есть ли в ней прогресс. Все, без исключения, американские доклады, были посвящены конкретным разработкам последнего десятилетия в определенных областях. Такое ощущение, что для них не было физической возможности взглянуть на эту проблему с принципиально иной стороны, так сказать, «со шпильки МГУ». Для нас же нет ничего проще, чем забраться на такой шпиль...

А.К. Американский подход всем ли хорош? Может быть, это неумение выйти за границы собственного департамента, своей секции.

В.В. Да, но так получилось, и это ощутили все, что нам поразительным образом удалось совместить достоинства обоих подходов, и недостатки исчезли: в конце телемоста все были абсолютно счастливы — это редкое состояние! Мы даже устроили небольшой перформанс — выносили перед камерой небольшие скульптуры, точнее, статуэтки, ставили их на стол во время выступлений...

А.К. Статуэтки, изображающие кого?..

В.В. Сначала сову принесли, потом пошли боги, надо было ещё и Сократа, конечно, принести... Они в ответ выставили на стол что-то своё, что-то среднее между Сократом и Соловьевым, из гипса, кажется.

А.К. Это не напомнило тебе посещение миссионером какого-нибудь дикого африканского племени? Он показывает им зажигалку, а индейцы начинают молиться на неё, как на божество.

В.В. По крайней мере, какая-то магия здесь безусловно присутствовала. Потому что после этого — полное было ощущение, что все преграды рухнули, экраны разорились... мы и так уже знали друг друга, у нас хорошие отношения с этой кафедрой, но тут — состояние полного блаженства...

А.К. То есть нас объединяют не только спорт и искусство, но ещё и философия, как выяснилось?

В.В. Похоже на то.

А.К. Часто говорят, что сегодня в сфере философского знания профессионалы всё меньше и меньше понимают друг друга, происходит специализация, членение философского знания, которое иногда выдают за прогресс; но аналитики не понимают философов сознания, философы сознания не понимают метафизиков и т.д. У тебя есть такое ощущение? Или всё-таки идёт контрпроцесс?..

В.В. Я думаю, всегда процессы идут в обе стороны. Т.е. это, безусловно, есть, но в ответ на проблемы, которые здесь возникают, появляются философы, которые пытаются синтезировать разные области и создавать системы. За последнее десятилетие мы увидели появление новых системостроителей в философии: это и Сёрл, и Деннет, если говорить только об аналитической традиции, это и Куайн. И этот процесс продолжается. Я вообще считаю, что современная аналитическая философия, в лучших её образцах, нацелена именно на созидание систем, которое должно преодолеть ту разобщённость, про которую ты говоришь.

А.К. Как говорил М. Волошин: «Мы, возводя соборы космогоний, Не внешний в них отображаем мир, А только грани нашего незнания».

Да, мне сразу же вспомнились грани его силуэта в Коктебеле, и его домик там, который мне удалось в своё время посетить... да, лучше Волошина здесь не скажешь, мне остается только благоговейно умолкнуть.

А.К. А прогресс — это некие античные пропилеи, по которым мы восходим, или он всё-таки прерывист, и в каких-то местах бывают разрывы, катастрофы, кризисы, опять-таки? Нас сейчас приучают к мысли о том, что развитие невозможно без кризисов, что кризис есть естественный момент всякого развития. И что перманентный кризис есть самый оптимальный модус развития.

В.В. Я уже говорил, что вижу сейчас немало и тревожных явлений, особенно в области философии сознания, по которой я специализируюсь, и могу говорить ответственно, так сказать. Если в двух словах, то проблемы эти связаны с каким-то докритическим духом. Мне многие построения современных философов напоминают докантовскую метафизику. Нужна кантовская прививка, какие-то свежие перспективы, чтобы эффективно использовать то, что было сделано. И эти перспективы связаны с именно внедрением критического духа и прививки — причем не только кантовской, но и феноменологической, гуссерлевской. Пока этой прививки не сделано.

Ж.А. Не кажется ли вам, что в современной философии наоборот, слишком много критицизма, причем именно по отношению к самой себе? У меня такое впечатление, что философия хочет отречься от самой себя — в своей исторической развернутости. Как в свое время от философии отпочковывалась, предположим, наука, богословие. Теперь такое ощущение, что она сама — особенно показателен именно XX век, давший большое количество методологических разработок — имеет стремление максимально сузить себя, а это возможно осуществить только с помощью какого-либо критического подхода. Может быть, это стремление

приблизиться к научности, или хотя бы оставить в стороне некоторые вопросы, которые показали свою несостоятельность?

А.К. Очертить своё предметное поле.

Ж.А. Даже не предметное поле, всё-таки этот вопрос стоит перед философией достаточно давно. Вопрос скорее не в том, что изучать, а как изучать?

В.В. Всё это, разумеется, было, но мне кажется, что сейчас-то философия снова пошла «вразнос». Занимаются всем, чем хотят. Недавно я увидел список официальных философских специализаций в Штатах — 33 пункта! А у нас, кажется, около десятка. Они, конечно, говорят, что надо бы сократить, но пока не торопятся.

Ж.А. Развитие и устойчивое существование возможны при некоем оптимальном многообразии?

В.В. В разные периоды по-разному. Сам я не возражаю против философского плюрализма и всячески его поддерживаю. Больше разных суждений, чем у нас на кафедре, наверное, найти трудно. Мне это нравится.

А.К. Диалог — не разговор двоих, а разговор многих. Главное, чтобы в этой беседе все голоса были услышаны и звучали не в унисон, но в консонансе, в симфонии.

В.В. Безусловно. Я не уверен, что нынешняя философия — это симфония, скорее какофония... но какая-то мелодия слышна. И она, мне кажется, довольно симпатичная. Есть времена, которые я не люблю. XIX век, например, конец XIX-го — начало XX-го, такая истерическая эпоха, где всё какое-то надрывное... Громадный такой призрак Достоевского встает над всей этой эпохой, как мне кажется.

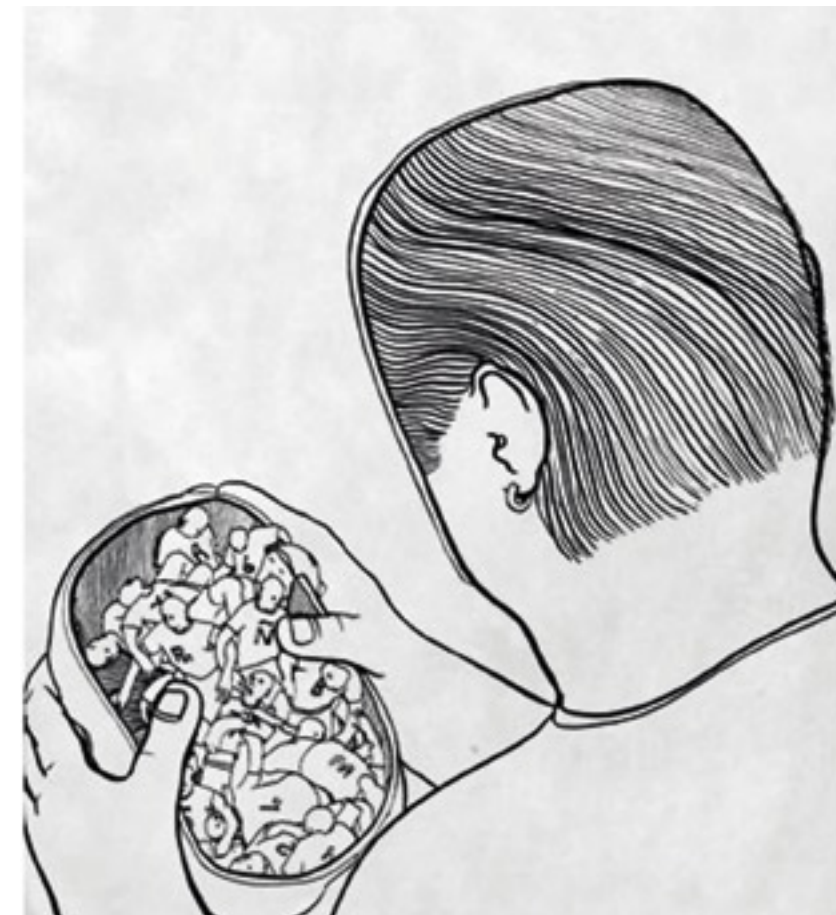
Ж.А. Если говорить о том, что сейчас философия больше напоминает какофонию, то не может ли это быть связано с тем, что границы самого философского сообщества сегодня в каком-то смысле призрачны?.. О философии и на философские темы может говорить кто угодно.

В.В. У нас, действительно, о философии говорят все. Но здесь стоит вспомнить Канта, утверждающего, что все люди имеют склонность к метафизике. И задача философа состоит как раз в том, чтобы попытаться убить метафизику внутри себя, поэтому на философских факультетах нет метафизиков — они ходят по улицам. И вот они, эти «метафизики», и рассуждают постоянно. Надо это, безусловно, запретить, я считаю. Негласно, конечно, на уровне какого-то осуждения, общественного порицания такого рода безобразия.

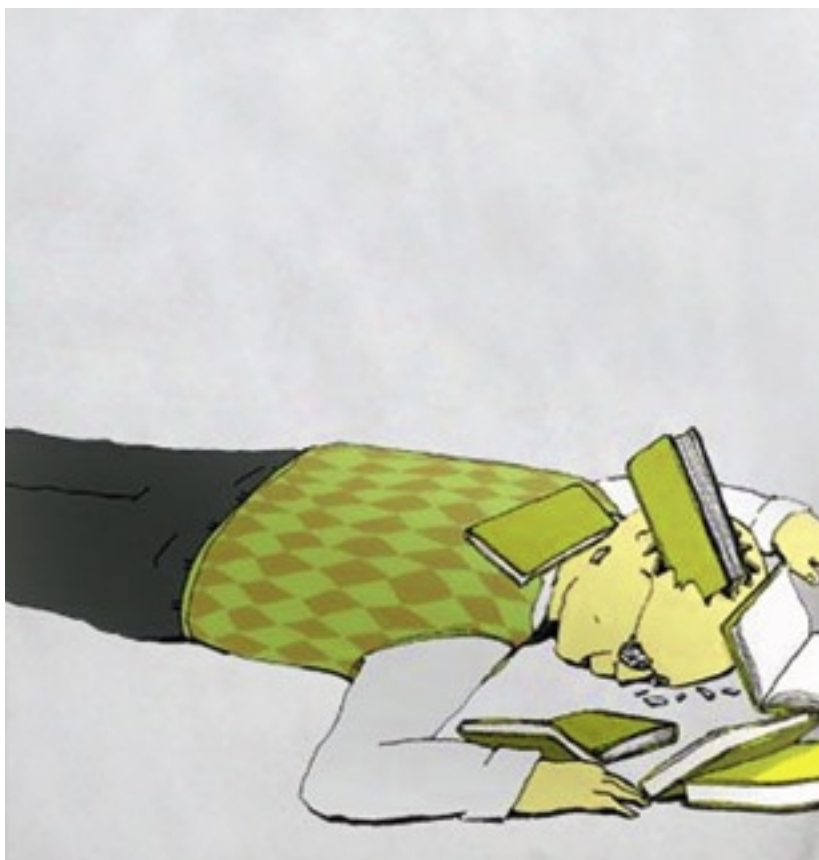
А.К. Т.е. такой отсебятины?.. Когда человек начинает заниматься философией как продолжением своих собственных внутренних неврозов, комплексов?

В.В. Да, мне кажется, что студенты и преподаватели могли бы таких личностей отслеживать. Я лично забросал бы их тухлыми яйцами!

Ж.А. Но часто, кстати, происходит следующее: философское сообщество обвиняют в снобизме, в какой-то если не герметичности, то уж в стремлении оставаться интеллектуальной элитой (что, безусловно, приятно). Такой укор со стороны действительно существует, и происходит сейчас, как мне кажется, на каждом шагу. Если профессиональный философ пытается немного «спрессовать» непрофессионала, пусть даже справедливо, всё равно его можно обвинить в элитизме.

А.К. Да, от философии ждут как раз той самой достоевщины, чтобы вышел философ и сказал что-то типа «Все за всех виноваты», или «Красота спасет мир», или «Смирись, гордый человек», т.е. дал бы некую максиму, которую вся нация коллективно восприняла бы «на ура», опустилась бы на колени и сказала: «Да, слава богу, у нас есть Философ».

В.В. Я думаю, что всё это исправится. Это связано и с зыбкостью границ, да вообще очень много тут причин, но всё исправится, если наше философское сообщество будет развиваться, как оно последние годы и делает — я вижу очень много позитивных явлений. Если так пойдет дальше, то эта граница станет резкой. Проблема в том, что многие наши профессиональные философы не интересуются философскими новостями, не читают ничего из совсем нового в философии, и поэтому сами иногда не очень профессиональны. Вот это и приводит к размыванию границ.

А.К. А вот в Соединенных Штатах место философа только за университетской кафедрой? Можно ли увидеть ли философа в ток-шоу, например...

В.В. Есть замечательное радишоу «Philosophy Talk» — его ведут два профессора Стенфордского университета уже, по-моему, пять лет. Каждую неделю они приглашают гостей, обсуждают самые разные проблемы. Каждую неделю 30 000 человек слушают эту передачу только в районе Сан-Франциско. По стране нет статистики, но это сотни тысяч человек, она через Интернет транслируется.

А.К. У нас роль публичных философов часто выполняют юмористы. Михаил Задорнов, например, даёт какую-то забавную этимологию слов. И такие люди действительно формируют мировоззрение многих людей, причем именно мировоззрение нации. Сами философы, представители научного сообщества от этого самоустранены... Был опыт такого прорыва в конце 80-х годов, когда по телевидению шла передача «Философские беседы». Но всё равно, несмотря на то, что удавалось привлечь интересных людей — всё это напоминало официальное мероприятие, как будто находишься в зале ученого совета, где мэтры продолжают свой узкокорпоративный спор о проблемах, интересных им одним.

В.В. У Гордона был, мне кажется, неплохой эксперимент — он же тоже много философов приглашал, там были очень интересные беседы... Но главное — не только стремиться в публичное пространство, но и постоянно самим улучшаться, совершенствоваться. Например, наладить практику рецензирования книг, журнальных статей. Как у нас рецензируются книги? Прихожу к знакомым, пишу рецензию. Если вообще пишу! Можно просто написать: рецензенты такие-то и всё. Кроме того, много издается книг за свой счет. Мы почему-то стремимся к наибольшему количеству публикаций. Это ужасно, нигде такого нет! Не нужно килограммами их измерять. Наоборот: если вы опубликовались в плохом журнале, то это минус вашей репутации. Если прийти в Oxford University Press — одно из самых влиятельных университетских издательств в мире — и попробовать за деньги издать книгу — вас, как мне объяснили, с лестницы спустят! Невозможно опубликовать книгу в серьезных издательствах за деньги, если она не прошла многоступенчатое рецензирование, а если она про-

шла, её опубликуют без всяких ваших денег, сами. Если нет практики рецензирования, то никто ничего не читает. А если есть, то я волей-неволей должен читать и тогда нахожусь в курсе дела. Таким образом, сообщество структурируется, становится единым организмом, и даже возникает конкурентная среда. И тогда уже дилетанты будут казаться просто смешными.

А.К. Как ты считаешь, философии в России сегодня нужна публичность? Или ей лучше замкнуться в своих корпоративных стенах?

В.В. Здесь я согласен с одним известным — скандально известным — австралийским философом Питером Сингером. Он считает, что только философы могут быть экспертами, скажем, по этическим вопросам. Мне кажется очень правильной эта идея, что в некоторых областях только философы могут проводить «экспертизу». Поэтому философия должна выходить в публичное пространство.

А.К. А американские философы затрагивали этические проблемы в телемосте?

В.В. Один доклад был посвящен проблеме абортов и тому, что было сделано в последние десятилетия для её решения. Тяжелейший вопрос — морален или аморален аборт?.. Но послушав этот доклад, я понял, что у сторонников абортов есть аргументы, хотя на первый взгляд кажется, что никакому рациональному объяснению их позиция не подлежит. Был еще доклад о Ролзе...

А.К. Можно ли говорить, что философия всё-таки уходит из Германии в англо-саксонский мир?

В.В. По факту, думаю, да. Сами немецкие философы стремятся уехать на стажировку в англоязычные страны. Кульминацией всего того, о чем я говорю, стало высказывание немецкого философа Томаса Мецингера: опубликовать статью на немецком языке — всё равно, что выбросить её в мусорную корзину. Эта фраза передает реальное положение дел.

А.К. Трагичная ситуация. Это нас призывает к тому, что каждому поколению нужно самому возобновлять то дело, которое есть в традиции. Я надеюсь, что в нашей традиции есть русская философия.

В.В. Конечно! У нас есть made in Russia религиозная философия, это просто факт, что мы что-то уже придумали. Как американцы придумали примерно в то же время прагматизм. У нас действительно есть эта традиция, и мы должны её всячески сохранять и изучать, исследовать.

